

Судя по всему, именно этого человека Хокаге назначил своей нянькой. Курама вспоминает часы, проведенные генином в скуке в ожидании прихода инструктора, и усмехается без унции жалости. "Нет", - бодро отвечает он, обходя тележку. "Всегда встаю с солнцем". Конечно, обычно он встает и с луной, поскольку ему нужно гораздо меньше сна, чем обычному человеку, но Какаши он об этом пока не говорит. Пусть мечтает, и все такое.

Улицы - знакомый лабиринт, и Курама делает вид, что блуждает вслепую. Конечно, это не ради Какаши или АНБУ в тени - он уже много лет не был в Конохе, да и до этого редко бывал в деревне, всегда координируя атаки или оборону, возглавляя внезапные проникновения вглубь вражеской территории. Та Коноха тоже была странной, скорее лагерем беженцев, чем шумной деревней, и видеть ее такой, живой и в то же время мирной, - утешение и бальзам на давно зажившие раны.

"Вот, - неожиданно говорит Какаши, и Курама едва успевает поймать брошенный ему бронежилет, прежде чем тот попадает ему в голову. Натянув его и застегнув молнию, он бросает взгляд на Копирующего нина. Быстрым движением плеч он проверяет свободу движений, которая, похоже, ничем не стеснена.

"Спасибо". Он улыбается собеседнику, даже когда его пальцы задерживаются на спирали Узушио, вшитой в ткань. На самом деле он никогда не носил такую одежду - на родине он никогда не становился генином, потому что к тому времени, когда он сделал достаточно, чтобы заслужить повышение в звании, все уже знали его, знали, что он джинчуурики Кюуби-но Кицунэ, и одного этого было достаточно, чтобы записать его в Книгу Бинго.

Дзюнин, подумал он, проверяя звание, и улыбнулся. Дзюнин Узумаки Курама. Это... приемлемо.

"Завтрак", - предлагает он по внезапной прихоти. "Я угощаю. Я вытащил тебя на рассвете, так что самое меньшее, что я могу сделать, - это обеспечить тебя едой. Выбирайте место, Какаши-сан".

Копирующий нин смотрит на него в упор, внимательно и задумчиво, а затем раскрывает свою оранжевую книгу и зарывается в нее носом. "Маа", - бесстрастно говорит он. "Бесплатная еда - это бесплатная еда. Почему бы тебе не выбрать?"

Курама закатывает глаза, чувствуя внезапный прилив ностальгической симпатии к этому странному и эксцентричному шиноби. После смерти этого человека Коноха так и не стала для него настоящей Конохой, и сейчас, в этой временной шкале, Курама дает себе очередную клятву. Голова Орочимару на щуче, а Хатаке Какаши жив, чего бы ему это ни стоило.

Иначе он мог бы и не спасать будущее, ведь его Коноха все равно будет мертва. Наряду с Сандайме, Какаши - семья, первый Курама, помимо Ируки. Семья, драгоценные люди, и его семья. Неважно, удалось ли ему сохранить их в другом времени, но здесь у него есть шанс, и он его не упустит.

Пока они идут, Курама бросает взгляд на гору Хокаге, на четыре лица, высеченные в камне. Это горько-сладкое зрелище, и не только из-за отсутствия боевых шрамов и трещин, которые он помнит. Там стоит его отец, и хотя он любит этого человека, ему известна история той ночи. Минато предпочел запечатать Кюуби в себе, а не запечатывать лиса в своей матери и позволить ему последовать за ней в смерть. Курама не ненавидит его за это, но... иногда он не перестает задаваться вопросом, как бы все сложилось, если бы Минато сделал другой выбор.

Сейчас он даже не может себе этого представить, и, возможно, это к лучшему.

С тихим вздохом Курама засовывает руки в карманы и встряхивает головой, чтобы прогнать ненужные мысли. Солнце уже взошло, деревня просыпается, и сейчас не время для подобных мыслей. В будущем, возможно, - сейчас это игра на выживание, ведь Обито, несомненно, придет за ним, чтобы уничтожить Акацуки, - но не сейчас.

Курама только что вернул себе жизнь. Ему потребуется несколько дней, чтобы по-настоящему прожить ее, прежде чем он снова начнет ее разрушать.

Какаши - верная тень, вездесущая порнуха или нет. Он следует за Курамой на завтрак, а затем по улицам, где бродит Узумаки - всегда рядом, всегда наблюдает, но достаточно ненавязчиво, чтобы Курама мог притвориться другом, а не охранником. Курама благодарен, потому что друг нужен ему больше, чем он готов признать. Прошел почти год с тех пор, как Сасукэ погиб от руки Мадары или от своей собственной, а Курама все еще горюет. Иногда он задается вопросом, будет ли он горевать всегда, сколько бы времени ни прошло, но потом неизбежно отстраняется от этой мысли, потому что она слишком болезненна.

Курама всегда старался не терять надежды, сохранять улыбку даже в худшие времена, но горе утраты и одиночество - это то, что он знает слишком близко, чтобы утешиться.

Как бы ни был он искушен, Курама не направляется сразу же в "Ичираку Рамен" за вторым завтраком - с этим придется подождать до более приемлемого для общества часа, учитывая, что он старается держаться в тени и не вызывать подозрений. Вместо этого он проходит мимо, игнорируя почти отчаянное желание заглянуть внутрь и увидеть старика Теучи, работающего за прилавком, и Аямэ, мило улыбающуюся их клиентам.

Слишком много потеряно, слишком много возвращено, и сердце Курамы не знает, что делать с этим нахлынувшим чувством. Счастье и душевная боль - враждующие стороны его души, и ни одна из них не берет верх.

Люди на улицах улыбаются, смеются, идут по своим делам, не понимая, что надвигается, что было до того, как Курама взял на себя труд уничтожить его. Остается еще Обито, но Наруто знает его, знает его сердце и знает, что его можно победить. Его Воля Огня все еще присутствует, все еще сильна, хотя и заблуждается. Даже если за смертью не будет искупления, Курама все еще надеется на него.

Впереди, на пересечении двух улиц, вспыхивает потасовка. Курама с любопытством поднимает голову, и даже Какаши поднимает глаза - как раз вовремя, чтобы увидеть оранжевую полосу, летящую в их сторону. Копирующий нин уклоняется в сторону, явно привыкший к подобным событиям, но Курама стоит на своем. За полсекунды до того, как его убьют, он вырывается, цепляется за воротник комбинезона и поднимает своего младшего коллегу на ноги.

Ноги Наруто комично болтаются в воздухе еще мгновение, прежде чем он осознает, что произошло, и поднимает голову с возмущенным "Эй!".

Курама слегка вздрагивает от громкости, раздавшейся так близко от его чувствительных ушей, но поднимает бровь и слабо улыбается. "Осторожнее", - наставляет он. "Ты можешь кого-то обидеть".

Наруто скрещивает руки на груди и хмурится, явно пытаясь выглядеть грозно и очень неудачно. "Ну, если ты не можешь вовремя убратся с дороги, значит, ты не очень хороший шиноби", - насмехается он.

"Но я не один на улице", - напомнил ему Курама, наконец опуская руку и усаживая мальчика на землю. "Здесь есть и гражданские, и даже если ты ребенок, ты уже начал тренироваться как шиноби. Это дает тебе несправедливое преимущество".

Мужественное выражение лица не исчезает. Курама, прекрасно зная, каким упрямым он сам может быть, просто закатывает глаза и гладит мальчика по голове, а затем отходит в сторону. "Просто мысль", - весело говорит он, возвращаясь к Какаши и выбирая другую улицу наугад. "Увидимся, парень".

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458415>